

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

1925

КНИГА
СЕДЬМАЯ
СЕНТЯБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 7

СЕНТЯБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОС.КВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Психоанализ как метод исследования художественной литературы.

И. Григорьев.

1.

Научное значение каждой теории следует расценивать не только по тем непосредственным результатам, которые достигаются ею в своей области, но и по многочисленности тех импульсов, которые вызываются теорией в областях соседних и отдаленных дисциплин. В этом отношении психоаналитическую теорию З. Фрейда, первоначально возникшую из потребностей медицины и затем вызвавшую ряд гипотез в психологии, социологии, истории культуры — следует признать весьма плодотворной. Для представителей поэтики (не формальной) совершенно очевидно, что теория Фрейда в некоторых частях своих может быть использована и для литературоведения. Правда, те попытки применения психоаналитического метода к изучению явлений литературного искусства, которые имели место, напр., в работах проф. Ермакова, способны только компрометировать этот метод и надолго отбить охоту прибегать к нему; но это произошло отчасти от случайных обстоятельств научных качеств исследователей, отчасти от обычной горячности первых адептов, которые всегда «plus royalistes, que le roi même».

Теперь, когда первоначальный пыл увлечения фрейдизмом несколько остыл, можно спокойнее и объективнее решить, какие стороны фрейдизма и как могут быть использованы литературоведением.

Метод психоанализа необходимо рассматривать в связи с системой Фрейда в целом, иначе в нем трудно ориентироваться и можно повторить те ошибки, которые уже сделаны. З. Фрейд в своих работах далеко ушел от первоначальных узко-медицинских наблюдений над сексуально-патологическими явлениями и, как ум большого теоретического размаха, подошел к последним широчайшим обобщениям. Правда, теперь, когда здание системы Фрейда подходит под купол, оно много теряет в своей оригинальности, не так блестяще и неожиданно, как первоначальные части — теория оппобок, сновидений, остроумия: многое вызывает и назнати величественные метафизические системы Платона, Шопенгауэра и др. — но зато в системе фрейдизма отдель-

ные стороны становятся понятнее, и легче решить, что может быть использовано для целей литературоведения.

Таким образом решению задачи, указанной в теме данной статьи, необходимо предпослать хотя бы коротенькое изложение системы Фрейда. Ее, когда она уже построена, удобнее излагать, начиная с наиболее широких обобщений, сообщенных в книгах Фрейда: «Я и Оно», «Психология масс и анализ человеческого Я», «Тотем и табу».

2.

По мнению Фрейда, в основе человеческой психики лежат два первоначальных, далее неразложимых, влечения: сексуальное влечение и влечение к смерти¹⁾. Они по всем противоположны — любовь и ненависть: первая организует, объединяет, ведет к продолжению жизни; вторая — разъединяет, разрушает, ведет к уничтожению жизни. Осторожный Фрейд не говорит прямо, но близко подходит к утверждению, что и материально-биологические силы притяжения и отталкивания суть проявления влечений любви и ненависти. «Каким образом влечения того и другого рода, — говорит Фрейд (стр. 40 «Я и Оно»), — соединяются друг с другом, смешиваются и сплавляются — остается пока непредставимым; но что смешение происходит постоянно и в большом масштабе, без такой гипотезы нам по ходу наших мыслей не обойтись. Вследствие соединения одноклеточных элементарных организмов и многоклеточные живые существа удается нейтрализовать влечение к смерти отдельной клеточки и с помощью особого органа отвлечь разрушительные побуждения во внешний мир. Этот орган — мускулатура, и влечение к смерти проявляется, таким образом, — вероятно, впрочем, лишь частично — как инстинкт разрушения, направленный против внешнего мира и других живых существ».

Представляется соблазнительным этот дуализм — сексуального и разрушительного — влечения свести к монизму зрота: при чем в этом случае инстинкт разрушения привнес бы определить отрицательное, как удовлетворенное эротическое стремление. В самом деле, на это предположение подталкивает и умирлет некоторых видов животных при размножении и состояние человека после полового акта, похожее на умирание. Но Фрейд не находит возможным сделать этот вывод, образно подчеркивая только то обстоятельство, что весь шум жизни поднимается неудовлетворенными эротизмом. Все остальные чувства человека — нежность, родительские чувства, дружба, ненависть и т. д. — представляют собой самые разнообразные виды трансформации (переложения), сублимирования (переработки) упомянутых первоначальных и неразложимых влечений — любви и ненависти, Фрейд подчеркивает, что таким образом исходное положение его системы

¹⁾ В текущей журнальной литературе несколько раз ставился вопрос о том, насколько психоанализ совместим с марксистской теорией: при решении этого вопроса не следует забывать исходного положения фрейдизма.

сходно с платоновским учением об эресе: поражает только непринятого читателя медицинская терминология, кажущаяся буржуа скабрелом, раздражающая его.

Заложенное в глубине человеческой личности эротическое влечение стихийно, слепо, неоформлено, во всем видит только хворост для своего огня. Эту стихию Фрейд называет безлично «оно»: опыт было бы убедительнее⁴⁾ признать, по старым философским образцам, безличное эротическое влечение обиром едким началом для всех людей, разбивающимся на индивидуальные ручейки, но Фрейд, если не ошибаемся, обходит решением (шарж).

Эротическая стихия, «оно», направившись внутрь к миру, дифференцирует (выделяет) из себя «Я — сознание», посредника (собою и внешним миром. «Я — сознание», в противоположность эротическому, т. е. значить, что для «оно» можно и чего нельзя. «Я — сознание» — чувство реальности, обуздывающее «оно», служащее как бы сложной плотной перегородкой между «оно» и внешним миром. Фрейд остроумно сравнивает «я» с седоком, который упрявляет буйной лошадей; но было бы иллюзией думать, что этот седок направляет лошадь, куда хочет: на самом деле происходит обратное — лошадь влечет за собою всадника, и всаднику только кажется, что он едет по своему усмотрению; в действительности же на его долю выпадает только следить за тем, как бы стихийное слепое «оно» не разбилось в своем бешеном галопе при столкновении с внешним миром.

Как же выполняет «Я — сознание» свои функции по обузданию «оно»? Ответ на этот вопрос позволяет нам вплотную подойти к проблеме архитектоники личности так, как ее мыслит Фрейд. «Я — сознание» вытесняет и область бессознательного биологически опасные представления (влечения)¹⁾ и старается заменить их другими. Таким образом получается следующая архитектоника личности: стихийное «оно», «Я — сознание» — посредник между «оно» и внешним миром, — и система бессознательных вытесненных представлений. Последняя (система вытесненных представлений), определенным образом сконструированная, и выполняет функцию обуздания «оно»: запрещает «оно» то или другое, отводит его влечения в безопасные русла. Эту систему вытесненных представлений, являющуюся вместе с тем системой запретов, Фрейд называет, по причинам отчасти уже сейчас понятным, «Я — идеалом», совестью, долгом. При чем Фрейд подчеркивает то колоссальное значение, которое имеют при построении «Я — идеала» социальные элементы: железная традиционность норм нравственности и права. Фрейд не говорит об этом, но можно было бы, на основании приводимого им материала, систему «Я — идеала» рассматривать отчасти, как систему родовой памяти: система сексуальных запретов передается из поколения в поколение. Как показывает историко-культурное исследование Фрейда — «Тотем и табу» — племена, находящиеся на самых первых стадиях культурного развития, знают уже крайне

⁴⁾ Для Фрейда во всяком представлении центральной и существенной частью его является влечение. В этом отношении он существенно расходится с интеллектуалистической школой в психологии, для которой в представлении самой нежной его частью является элемент познавательный.

жесткую систему сексуальных запретов. Недаром, система «я — идеала», совесть иначе, переживается, как безличная, внешняя стихия.

Приглядимся теперь к содержанию отношений между «оно», «Я — сознанием» и «Я — идеалом».

Сексуальное влечение в первые моменты внеутробной жизни ребенка направляется на него самого: ребенок сам является объектом своих сексуальных влечений (автоэротизм). Этот «нарцизм»¹⁾, как называет его Фрейд, выражается в сексуальном отношении ребенка к своему телу, по-разному выражающемуся. Обычно в этот период сексуальное чувство связано с актами дефекации (физиологические отправления). Замечено, что дети искусственно задерживают выделения для того, чтобы потом острее испытать сексуальные чувства. Кроме того, к выделениям своим дети относятся как к чему-то близкому, как к части своего тела. Ясно, что такие влечения детей встречают обычно решительное сопротивление со стороны окружающей среды: из таких столкновений уже в этот период складывается система «Я — идеала», в самых разнообразных формах оказывающая сильнейшее влияние в последующие годы на поведение человека. Фрейд строит цельную характерологию, в которой черты упрямства, скуности, аккуратности, распушенности, мотовства и т. д. объясняются тем или иным отношением человека к процессам дефекации в детском периоде (См. Э. Фрейд, «Психология и учение о характерах». Гос. Изд. 1924 г.).

В дальнейший период сексуальное чувство ребенка направляется на мать, если ребенок мужского пола, или отца, если ребенок — девочка²⁾. При чем, отец (мать) рассматривается, как соперник, с известной дозой недоброжелательности или просто враждебности (Эдипов-комплекс)³⁾. Но отношения к отцу не просто враждебны: эта враждебность сменяется нежностью либо существует одновременно с ней; отношения ребенка к отцу амбивалентны, являясь то той, то другой стороной.

Как только возникает «Эдипов-комплекс» — система «Я — идеала» начинает свою работу по вытеснению сексуальных чувств к матери и враждебности к отцу. Это вытеснение производится самыми разнообразными приемами. Наиболее нормальным представляется тот, при котором заторможенное сексуальное влечение направляется на постороннюю женщину, которая всегда бессознательно замещает мать, но без препятствий к сексуальной цели. Что касается отца, то враждебная установка по отношению к нему преодолевается чувством гордости за отца, преклонением пред его могуществом ребенок идентифицирует (отождествляет) себя с отцом. Он и ранее был склонен зачитать матери отца, но теперь сексуальное влечение исключается.

¹⁾ От мифической легенды о Нарциссе, который влюбился в свое отражение в реке.

²⁾ В дальнейшем для удобства и во избежание лишних повторений мы будем говорить о мальчике и ребенке только.

³⁾ От греческого мифа, в котором Эдип убивает своего отца и женится на своей матери. См. трагедию Софокла «Эдип-царь».

В случаях осложнения сексуальное влечение может искать самых разнообразных путей: нарцисзма, гомосексуализма¹⁾ и т. д. Было бы глупо, если бы вслед за Фрейдом повторить все сложнейшие и запутаннейшие приемы замещения «Эдипова-комплекса». Достаточно отметить, что, по мнению Фрейда, вся последующая сексуальная жизнь человека строится по образу «Эдипова-комплекса».

При невозможности найти нормальное разрешение «Эдипова-комплекса» возникает ряд неврозов, так же самых разнообразных: начиная от различного рода фобий (страхов) и кончая садизмом и мазохизмом. При неврозах у больного обычно появляется серия симптомов (некоторых действий), причина и смысл которых тщательно скрыты. Попытки врачей выяснить причину симптомов путем расспросов самих больных встречаются с препятствием: больные всячески, правда бессознательно, мешают добраться до истинной причины. Расспросы больного, анализ всплывающих в его сознании представлений (психоанализ) приводит в конце концов к источнику болезненных симптомов — «Эдипову-комплексу». Теперь, когда больной сам знает причину болезненных симптомов, он, обычно, освобождается от них: знание действует катартически (очищающе).

В трудных, плохо поддающихся лечению случаях неврозов, протекающих из неразрешенного нормально «Эдипова-комплекса», «Я — идеал» — или совесть — преследует человека, мучает его (утрачивает совесть), привидит, как уже было сказано, к ряду фобий, к меланхолии или, как бы изнеможенное само в борьбе, сливается с «Я — сознанием, и то, ликующее освобожденное от запретов, впадает в манию влечения.

Сексуальная точка зрения последовательно проводится Фрейдом и на общественные и на космологически-религиозные отношения человека. Такие организации, как войско и церковь, цементируются сексуальными чувствами входящих в эти организации единиц к царю, главнокомандующему (и ко всякому начальнику вообще) и ко Христу. Отношения к царю, начальнику сублимированные отношения к отцу, то любовно-почтительные, то ненавистные. То же касается и «отца небесного»: отсюда двойное отношение к нему — религиозное и атеистическое, подобно амбивалентным чувствам к отцу. «Церковь, — говорит Фрейд, — отличается демократизмом именно потому, что перед Христом все равны, все пользуются в одинаковой мере его любовью. Не без глубокого основания однородность христианской общины сопоставляется с семьей, и верующие называют себя братьями во Христе, т. е. братьями по любви, уделяемой им Христом. Несомненно, что связь каждого индивидуума с Христом является и причиной их привязанности друг к другу. То же относится и к войску: главнокомандующий — это отец, одинаково любящий всех своих солдат, и в силу этого они объединены друг с другом товарищеской привязанностью. Войско отличается по структуре от церкви тем, что оно состоит из ступеней таких масс. Каждый командир является как бы началь-

¹⁾ Так называется сексуальное влечение представителей какого-нибудь к своему же полу (иначе — педерастия и лесбийская любовь).

ником и отцом своей части, каждый унтер-офицер — своего взвода» (Психология масс, стр. 35).

Если влечение к отцу сублимируется (претворяется) в любовь к богу, царю и начальнику, то влечение к матери сублимируется в любовь к родине и — шире — к матери-земле.

3.

Подводя итоги коиспективно изложенной фрейдовской теории, приходится отметить, что она включает в себя ряд неравноценных моментов: одни представляются плодотворными и достаточно обоснованными гипотезами, другие менее плодотворны и менее обоснованы. К плодотворным гипотезам я отхожу фрейдовскую гипотезу динамического бессознательного, с ее индивидуальными и социальными функциями; ко вторым — собственно сексуальную теорию и главным образом гипотезу «Эдипова-комплекса». К счастью, эти стороны теории Фрейда не связаны друг с другом неразрывно: настолько, что теорию динамического бессознательного можно излагать, совершенно не касаясь проблем специфически сексуальных, как это делает и Фрейд, излагая теорию ошибочных действий, остроумия и, отчасти, сновидений. Резюмируя громадный материал, предложенный Фрейдом, мы также сформулируем эти части фрейдизма отдельно, чтобы выделить то, более или менее бесспорное, что у Фрейда имеется и что может быть использовано литературоведением. W

Вытесненные представления, как было указано, образуют систему бессознательного. Содержание этого понятия у Фрейда совершенно иное, чем в старой психологии. Старая психология либо совершенно отрицала понятие «бессознательного», как *contradictio in objecto* (противоречивое понятие), либо чисто словесно обозначало им некоторый X (неизвестное) в явлениях сознания: именно, старая психология говорила о з а б ы т ы х представлениях, что они до своего воспроизведения хранятся в бессознательном; таким образом в этом случае бессознательное мыслилось чем-то вроде ящика, в котором до поры до времени складывались представления.

По Фрейду — вытесненные представления не лежат бездеятельными; они организуются в некоторую систему, которая динамична, пружинит, обладает силой: толкать человека на одни поступки и удерживать от других. Бессознательные представления слышь и рядом врываются в сознание, правда, сублимированные, искаженные, как бы переведенные на другой язык, транспонированные в символические значки, но при известном опыте мы всегда можем за маской открыть подлинное лицо. С помощью особой операции, называемой Фрейдом психоанализом, мы можем добраться до самых глубин бессознательного, самые глубокие слои его мы можем поднять в сферу сознания; с помощью разбора тех представлений, которые всплывают в сознании человека по поводу какого-нибудь непонятного симптома, мы добираемся до значения его, до того бессознательного намерения, которое в симптоме выражено. Если, напр., академик в своей речи говорит, что он «не способен» (вместо неспособен) оценить научные заслуги своего предшественника, то психоана-

лиз дает возможность установить подлинные чувства говорящего к своему предшественнику. Аналогичными примерами заполнены трактаты Фрейда об ошибочных действиях, остроумии и спондентах. То обстоятельство, что бессознательное в той или иной форме изменяется в жизни солдата, обнаруживается в нем и, следовательно, подвержено заблуждению — позволяет быть понятию бессознательного понятием позитивным, а не метафизическим.

В динамическом бессознательном, как уже было указано, большую роль играют социальные и родовые моменты. Система религии, нравственности (совести) и т. п., входящие составными частями в «Я — идеал», являются таковыми социально-родовыми моментами динамического бессознательного. Отсюда об'ективный характер моральных и религиозных представлений, действующих принудительно, как внешняя сила. В устаревлении позитивного характера моральных и религиозных ценностей, в развенчании того мистического ореола, которым эти ценности окружались и окружаются, в анализе техники, с помощью которой эти ценности создаются — большая заслуга фрейдизма, и конечно здесь марксистам можно и следует поучиться. Марксистская теория обладает бесспорно правильным положением, по которому идеология (искусство, религия, нравственность и т. п.) рассматривается, как надстройка над базисом производственно-экономических отношений; но большие затруднения в некоторых случаях представляет — показать технику этой надстройки. Правда, фрейдская теория при истолковании идеологических надстроек исходит из другого базиса — сексуального, но думается, что приемы истолкования могут быть использованы и марксистской теорией.

Что касается сексуальных моментов фрейдской теории, то они, как было сказано, и более спорны и менее плодотворны, за исключением психиатрии, значение для которой фрейдской теории, повидимому, большое, мы не беремся оценить. Основной порок сексуальной части фрейдской теории заключается в некоторой недоговорчивости ее. Придавая основным начальным элементам жизни человека сексуальное влечение, Фрейд только вскользь указывает, что на-ряду с ним имеются иные могущие стимулы поведения, как, напр., голод, при чем взаимоотношений этих иных стимулов с сексуальным влечением не устанавливает. Но все наблюдаемые факты жизни организуют односторонне, сводят их исключительно к сексуальному влечению, игнорируя другие стимулы поведения человека, как будто бы их вовсе и не было. Это было бы методически законно лишь в том случае, если бы Фрейд совершенно ясно и недвусмысленно заявил, что все стимулы человеческого поведения нацело и без остатка могут быть сведены к сексуальному влечению: в противном случае односторонняя организация фактов под углом сексуального влечения, при искусном проведении производящая впечатление гипнотически убеждающее, тем не менее методологически незаконна. Это особенно касается ядра сексуальной истории — «Эдипова-комплекса», применение которого в литературоведении дало наиболее отрицательные и монотонные результаты. В конечном счете оказывается, что все писатели читали сексуальные чувства к матери и любовь к отцу и все творчество их представляет

собой различное варьирование этого лейтмотива. Насколько убедительно это доказывается, к каким ухищрениям и вывертам приходится прибегать при этом исследователю, мы увидим из разбора одной из талантливейших работ этого рода — Нейфельда о Достоевском⁴⁾.

4.

Что может дать литературоведению фрейдовская теория динамического бессознательного?

Она может внести ясность в запутаннейшие вопросы психологии творческого процесса, в вопросы взаимоотношения между художником и созданным им произведением, между произведением и действительностью; она позволяет установить органический взгляд на совокупность произведений художника, как на некоторое единство.

Творческий акт — поведение художника. Задача творческого акта — не отобразить действительность и не познать ее пассивно, но выразить явное, а чаще скрытое, «бессознательное» в фрейдовском смысле, отношение художника к жизни, его намерения. Это поведение художника — особой природой: художник свое отношение к жизни выражает не всегда прямо и непосредственно, но транспонирует его в художественные знаки — образы, символы, ритм и т. д. Формальная теория «приема» есть в сущности теория этих знаков. И чем искуснее художник, тем глубже заперты в художественных знаках его намерения, тем труднее добраться до них, подобно тому как в символах сложного сна трудно разгадать иногда дневное бессознательное намерение. Теория реалистического искусства, как искусства, бесстрастно познающего действительность, отражающая его, теория, связанная, вероятно, с интеллектуалистической теорией представлений, должна пасть вместе с падением интеллектуалистической психологии. Действительность, поскольку она отражена в сюжете, образах и т. д., — только прием для обнаружения намерений художника. Это не значит, что действительность не отражается в художественном произведении: она не может не отражаться, поскольку измерения художника, его поведение развертываются в действительности. Но центр тяжести — не в отражении: если мы будем искать в художественном произведении только отражение действительности, мы не поймем правильно взаимоотношений между художником и его произведением. Человек с острым вниманием, художник проглатывает жизненные впечатления, но не все: уж в стадии восприятия художник, вероятно, производит отбор подобно своим основным влечениям; следует отказаться от представления о художнике, как о человеке, который сидит на окошке и наблюдает все подряд. Кроме того, все воспринятое художником подвергается в области его динамического бессознательного тщательной обработке: в этой обработке весь воспринятый материал используется художником, как

⁴⁾ И. Ф. Нейфельд, Достоевский. Под ред. проф. З. Фрейда. Изд. «Петербург». Л. 1925 г.

материал для транспонирования своего намерения. Подобно тому, как в символу сна врывается вытесненное намерение, так и в знак художественного произведения, но более искусно, транспонировано намерение художника. Неоднократно отмечался катартический характер искусства: порожденное ущербностью жизни, неудовлетворенным влечением, часто неким самому художнику, оно так или иначе разрешает жизненную задачу. Тем обстоятельством, что процесс транспонирования производится в области бессознательного, объясняются и те черты творчества — спонтанности (самопроизвольности) и неожиданности, — которые засвидетельствованы многими художниками. Исследования Фрейда позволяют нам скинуть мистические покрывала, которые издавна украшали этот процесс, и так же позитивно понимать его, как понимаем мы процесс транспонирования диалогого измерения в знаках сна.

Таким образом каждое художественное произведение подобно загадочной картинке, в которой с помощью ряда приемов скрыто поведение человека. То же можно сказать и о ряде художественных произведений: он ограничен; достаточно найти шифр для понимания его, чтобы столь отличные на первый взгляд друг от друга произведения обнаружили, как звенья одной цепи.

Воспринимающий художественное произведение подобен толкователю сна, который за символами сна ищет несознанных намерений. Или по-другому — художественное произведение подобно группе непонятых симптомов: воспринимающий должен их истолковать. Фрейд, как мы говорили, добирается до значения симптомов путем психоанализа. Необходимо подчеркнуть, что психоанализ в точном смысле слова совершенно неприменим к истолкованию художественного произведения, когда мы сидим в ряду и имеем автора в живых или не имеем возможности его расшифровать. О психоанализе в применении к истолкованию художественного произведения можно говорить лишь условно, как о сходном методе. В этом случае, наводящие вопросы и всплывающие представления должны заменять в совокупности — сопоставление одно: произведений художника с другими, сопоставление их с его мемуарами, дневниками, письмами, публицистическими и научными работами, если они имеются, с воспоминаниями о художнике его близких и знающих его лиц и т. д. Весь этот, пусть большой, материал все же не может заменить прямых показаний подвергаемого психоанализу человека: поэтому так тщательны должны быть наши изыскания материалов, и так осторожны во многих случаях гинотетические выводы. Но зато, когда за сложной системой художественных знаков мы находим живое поведение художника, мы находим самое главное. Можно, конечно, рассматривать художественное произведение как систему отражений действительности, но в этом случае мы получаем от него значительно меньше, чем оно может дать, не говоря уже о том, что, как было установлено, отражение действительности никогда не бывает полным, и в самом характере отбора уже заключено поведение художника. Отсюда вывод — каждое художественное произведение и еще больше совокупность их выражают систему идеологии

художника. Художник всегда идеолог и никогда — незаинтересованный, бесстрастный наблюдатель. Вещи казались бы ультра-объективные и реальные и не имеющие по сюжету и другим элементам никакого отношения к художнику, на самом деле являются особой формой жизненных суждений, транспонированных в художественные знаки.

5.

Таким образом теория Фрейда дает нам¹¹ возможность искать в художественном произведении поведения его творца. Критик, следовательно, должен уметь произвести обратную транспонировку от художественных символов к поведению художника. Научная осторожность требует при этом допускать возможно меньше предпосылок. Если мы допустим, что художественное произведение представляет собою систему значков какого-то поведения, то вопрос — какое это поведение — должен решаться путем тщательного исследования, путем сопоставления самых разнообразных материалов. Имея в виду особенно, что при исследовании художественного произведения неприменим психоанализ в точном смысле этого слова, мы не имеем права делать какие-нибудь догматические предпосылки относительно природы поведения художника: здесь особенно неуместно интуитивное предположение ответа. К сожалению, немногочисленные, правда, исследования литературных произведений по методу психоанализа грешат отсутствием этой необходимой осторожности. Все они, в согласии с основной мыслью Фрейда, наперед убеждены, что загадочная художественная картинка расшифровывается однозначным способом: а именно — за знаками художественного произведения скрывается сексуальное поведение художника, а не какое-нибудь иное. Кроме того, это сексуальное поведение складывается по типу «Эдипова-комплекса»: таким образом не только данное произведение художника, но и весь цикл его произведений, представляет собою переложение самых ухищренных вариантов «Эдипова-комплекса», т. е. сексуальных отношений художника к своим родителям.

Отсюда другая предпосылка, обычная у фрейдистов-литературоведов: образ художественного произведения играет роль сексуального символа. Мы уже говорили, что образ в художественном произведении играет ту же символическую роль, что и образ в сновидении; но фрейдисты утверждают, что метафорический характер образа позволяет спрятать в него сексуальное и инстинктивное стремление. Сексуальная символика образа тщательно разработана Фрейдом. Он привел ряд вещей и действий, которые благодаря метафорическим признакам близко, а иногда очень отдаленно, напоминают либо половые органы — мужские или женские, либо акт совокупления и т. д.¹²

При чем, исследуя сексуальную метафоричность образа, Фрейд обращается иногда для подкрепления своей позиции к народному коллективному мышлению, бессознательно выработавшему сексуальные метафоры и широко

¹¹ «Введение в психоанализ», т. II. Гиз, 1924 г.

нии пользующемуся. Так, напр., метафорически отождествляясь в народном сознании «золото» и «кало». К этому можно было бы присоединить из народной поэзии пример метафоричности «змея» как мужского члена в половом акте¹⁾.

По саду, саду зеленому, ходила гуляла
 Молода княжна Марфа Всецлавьина,
 Она с камня спочила на лютого на змея,
 Обвивается лютой змеей около чобота зелья сафьян
 Около чудочика шелкова, хоботом бьет по белу стегну
 А втапору княгиня поцес понесла,
 А понос понесла и дите родила.

(«Волк Всецлавич».)

С большим сомнением к такому исследовательскому приему заставляет отнести то обстоятельство, что не всякое ведь слово имеет сексуальное значение — по крайней мере, в некоторых случаях слова обозначают предметы, действия, качества и т. д., которые прямо в них выражены; а между тем особенно ретивые психоаналитики типа проф. Ермакова готовы утверждать, что чуть ли не каждый термин художественного произведения сексуально символичен. При известной установке ожидания, при известной направленности мышления, при *esprit mal tourné* какой же предмет или действие не сможет как-нибудь отдаленно напомнить либо половые органы, либо половой акт? Если наперед утверждать, что всякий символ художественного произведения обязательно сексуальный, то в шпатель, как это делает проф. Ермаков, можно увидеть символ женского полового органа. Читатель, встречающийся с такого рода утверждениями, может так опешить, что не сумеет даже сказать: «а ведь, может быть, сапог и шпатель просто предметы одежды»...

Кстати об этом представителе русского психоанализа. Его психоаналитические исследования творчества Пушкина и Гоголя создали ему неважную прессу. Отзывы об этих книгах были исключительно резкими, и в этой исключительности повинен сам проф. Ермаков: некоторые очень ценные крупницы его исследования облеплены, подобно сладкой начинке, таким количеством горького текста сексуальной безвкусицы, что, прежде чем добраться до этих крупниц, совершенно расстраиваешь восприятие неудобоваримым тестом. Эта безвкусица особенно проявляется в истолковании символики, о которой мы сейчас говорили. Так как у нас нет сейчас под руками книги проф. Ермакова о Пушкине (где имеются такие перлы, как этимологическое производство александрийского стиха от имени поэта Александра, как указание на то, что имя героини «Мавруши» напоминает о мавританском происхождении поэта и т. д.), то мы приведем некоторые толкования из книги о Гоголе. В «Повести о том, как поссорился Ив. Ив. с Ив. Ник.» ружье — причина их ссор — конечно, символ мужского полового органа — фаллуса,

¹⁾ Из неопубликованной работы А. Гербетмана: «Опыт психоанализа творчества Лермонтова».

который у Ив. Ник. бездействует (т. к. ружье тоже бездействует). Но еще лучше о «Шинели». Башмачкин и «Значительное лицо» терят свои шинели в состоянии эротического возбуждения и половых стремлений, при чем это половое стремление Акакия Акакиевича и «Значительного лица» усматривается в коротеньких фразах о том, что Ак. Акакиевичу, приобревши шинель, хочется приударить за какой-то дамой; а «Значительное лицо» собирается ехать к Каролине Ивановне. В другом месте про Башмачкина и Петрушку из «Мертвых душ» говорится, что оба они с интересом относились к словам «не потому, чтобы их интересовали смысл или значение их, а особенность начертания, длина их и т. п. признаки (длинное — длинные или короткое)»¹⁾. Фамилию штаб-офицерши Подточиной из «Носа» проф. Ермаков этимологически производит от глагола «подточить»: она подточила нос Ковалевна, при чем под носом подразумевается опять же половой орган.

Чтобы дать полное представление о той произвольности, с которой строится истолкование художественного образа, следовало бы привести книгу проф. Ермакова целиком. Только человек, преодолевший всю эту безысходность, может получить представление о всей чудовищности произвола, о всех натяжках, которые допускаются для сексуального истолкования символа. Проф. Ермаков, слово за словом переводящий произведение на сексуальное значение, не хочет видеть, что любой символ, сексуально толкуемый им, допускает и иные толкования — при чем: ни свое толкование не обосновывает достаточно, ни иные возможные толкования не опровергает. Мы беремся, по методу проф. Ермакова, «с листа» истолковать любое произведение в сексуальном смысле. Эта работа проф. Ермакова должна отрезвляюще подействовать на чл. змерно увлекающихся фрейдистов.

Как было сказано, с точки зрения фрейдизма, сексуальные символы в художественном произведении облачают «Эдипов-комплекс»: все произведения художника являются различными вариациями на эту основную тему. В своем чистом виде «Эдипов-комплекс» представляет собою сексуальное влечение к матери, связанное с враждебным чувством к отцу, как к сопернику. Не говоря уже о том, что эта точка зрения, как уже отмечалось нами, либо молчаливо допускает, что сексуальное чувство является единственными первоначальными влечением, на которое разлагаются все остальные влечения, либо игнорирует все остальные влечения, — самая формулировка «Эдипова-комплекса» осложняется такими элементами, которые заставляют с подозрительностью относиться ко всему построению. Осложняется формулировка «Эдипова-комплекса» понятием идентификации. Оказывается, что отношения ребенка к отцу²⁾ не просто враждебные, но амбивалентные: враждебно-любивые. Отец для ребенка не только соперник, но и идеал силы и могущества: ребенок хочет быть таким, как отец, идентифицирует себя с ним. При сексуальном влечении к матери ребенок идентифицирует себя с отцом вполне. В дальнейшей жизни, в случае если человек находит нормальный спо-

¹⁾ Стр. 181 книги о Гоголе.

²⁾ В рассуждениях мы все время имеем в виду сына: когда ребенок — дочь, необходимо произвести соответствующую поправку.

тоб 'удовлетворения влечения с посторонней женщиной, из которую он переносит черты матери, нет оснований для враждебных чувств к отцу: так что от 'о'шения к отцу не обязательно враждебны. Кроме того, возможен и другой способ отвода враждебных чувств к отцу даже в том случае, если сексуальное влечение к матери не удовлетворяется нормально с посторонней женщиной: мужчина может идентифицироваться с матерью и удовлетвориться «нарцисзмом» (см. выше), либо в гомосексуальных отношениях (с человеком своего пола) стать на место матери. Вот эта многочисленность «осложняющих «Эдипов-комплекс» моментов, из которых мы привели далеко не все, заставляет подозрительно относиться к самому построению: в самом деле, при этом условии любые отношения к родителям могут быть истолкованы в духе «Эдипова-к омплекса».

И все доказательства «Эдипова комплекса» в применении к литературно-ведению страдают большими натяжками: большинство аргументов для объяснения явлений в духе «Эдипова-комплекса» легко может быть заменено другими.

Для иллюстрации возьмем психоаналитическое исследование И. Нейфельда о Достоевском¹⁾ по следующим соображениям: а) исследование это наиболее яркое и талантливое из исследований такого рода, б) исследование это издано под редакцией самого Э. Фрейда и, таким образом, до известной степени «авторизовано»: если со стороны проф. Фрейда не имеется никаких оговорок, то, повидимому, все положения книги И. Нейфельда им сплошь разделяются. Кроме того, для исследования избран писатель, в жизни и творчестве которого сексуальный момент, повидимому, играл немаловажное значение: и всё-таки трудно найти у Достоевского то, что хотят найти психоаналитики.

Все противоречия, все загадки жизни и творчества Достоевского И. Нейфельд объясняет, исходя из «Эдипова-комплекса»: «вечный Эдип жил в этом человеке и создал эти произведения; это был человек, никогда не преодолевший своего комплекса Эдипа» (стр. 12). Прямых свидетельств со стороны самого Достоевского, или со стороны знавших его, о комплексе Эдипа, как сексуальном комплексе, не приводится. Мы понимаем, что и трудно найти такого сорта признания. Но те соображения, которые приводятся вместо прямых указаний, только с большими натяжками можно признать за доказательства «Эдипова-комплекса».

Отец писателя, вспыльчивый, ворчливый, недантичный, мелочный, болезненно-скупого, производил двойное впечатление на Федора Михайловича Достоевского: отталкивающее, благодаря упомянутым чертам характера, и притягивающее, благодаря тому, что отец был и первым учителем мальчика (стр. 13, 14, 15)).

Такая амбивалентность совсем не требует сексуального объяснения: мать писателя здесь совершенно не при чем. Если и были у писателя осно-

¹⁾ Иоанн Нейфельд. Достоевский. Психоаналитический очерк под редакцией проф. Э. Фрейда. Перевод с немецкого Я. Друскина. Изд. «Петроград».

влияя питать к кому-либо ревность, то скорее к старшему брату Михаилу, которого, единственного из всех детей, мать кормила сама (а не кормилица).

Для характеристики отношения писателя к матери И. Нейфельдом приводится следующий пример (стр. 20): после смерти матери, во время поездки в церковь, Достоевский вдруг потерял способность речи. «Для объяснения может быть приведена хрипота пациентки Фрейда, Доры. Как и Дора, может быть, наш писатель ни с кем не хотел больше говорить, после смерти единственного человека, которого он любил и с кем не мог уж говорить».

Но факт смерти матери, вообще значительный в жизни человека, трудно переживается, так что случай с Достоевским, если и объяснять его чисто психологически, все же может быть объяснен без привлечения сексуальных понятий.

Трагическая смерть отца Достоевского, убитого крепостными за зверское к ним отношение, произвела сильное впечатление на писателя, и есть предположение, что первый эпилептический припадок случился с писателем, когда он узнал об этой смерти (стр. 21).

Это, конечно, вполне вероятно. Но вот случай, рассказываемый Григориным и комментируемый И. Нейфельдом: «Григорович рассказывает, как они, гуляя раз вместе, случайно встретили похоронную процессию: едва увидев процессию, Достоевский хотел повернуть назад, но сейчас же с ним приключился особенно сильный припадок, от которого он едва оправился. Внезапно появившиеся для сознания бессознательные чувства ненависти и мести против отца были так сильны, что цензура сознания могла защищаться от них только при помощи глубокого обморока» (стр. 22).

Ход мысли И. Нейфельда в этом комментарии такой: Достоевский, ненавидевший при жизни отца и желавший втайне ему смерти, чувствует себя виновным в его смерти благодаря этому тайному желанию: Чувство виновности ярко оживает при виде похоронной процессии, напоминающей этот комплекс. Но не естественно ли другое объяснение, по которому вид похоронной процессии ассоциативно вызвал в памяти Достоевского те чувства ужаса, которые он испытывал, узнав впервые о трагической гибели отца?

Непормальности сексуальной жизни Достоевского в период до 40-лети¹⁾ возраста Нейфельд также объясняет «Эдиповым-комплексом». Инфантильная нищезлобность (остатки детской любви к матери) мешала Достоевскому развить сексуальные чувства к посторонней женщине: на нее переносил Достоевский черты матери. Таким образом бессознательная зависимость от матери вызвала у Достоевского психическую импотенцию. Но наряду с этим рассказывают, и сам Достоевский это подтверждает, о разврате его в это же время: «Все эти Минючки, Кларочки и Марьяночки так похорошела, что трудно себе представить, но стоят страшно дорого. Тургенев и Беллинский как следует выбрали меня за беспорядочную жизнь» (Из письма Фед. Мих. брату, стр. 24). Нейфельд видит здесь классический случай несовпадения

¹⁾ Дочь Ф. М. — Л. Достоевская говорит, что писатель до 40 л. не имел половых сношений.

у инцестуозно-связанных душевной и телесной любви: матери — душевная, к Милочкам — телесная.

Но и в этом случае могут быть приведены объяснения независимо от «Эдипова-комплекса». В самом деле, ведь, мы ничего не знаем, каковы фрейдологически были отношения Достоевского к Милочкам и т. д. — проявлял ли он в этих случаях ту потентность, которой ему не хватало в сношениях с обыкновенными женщинами. Следующие строки из «Записок из подполья», которые Нейфельд считает автобиографическими, заставляют подозревать, что и тут мы вряд ли имеем дело с физически-нормальными половыми отношениями: «и вдруг я погружался в темный, подземный, гаденький — ле разрат, а развратишк q»... и т. д. И еще — «вот я и пускался развратничать. Развратничал я уединенно, по ночам, потаенно, боязливо, грязно, со стыдом, не оставлявшим меня в самые умерзвительные минуты и даже доводившим в такие минуты до проклятия».

Импотенцию Достоевского не правильнее ли объяснить в связи с его эпилепсией?

Объяснение психологических мотивов участия Ф. М. Достоевского в кружке петрашевцев особенно насыщено натяжками. Амбивалентное отношение писателя к отцу, видите ли, развернулось в открытую ненависть к нему, и это подтолкнуло на вступление в общество, поставившее целью царевбийство, при чем во всем этом психическом процессе царь замещает отца, восстание против царя равносильно восстанию против отца (ср. например: царь-батюшка, стр. 29 и 30). «Покушение на жизнь царя — это отцеубийство, на которое бессознательно толкнул писателя, с одной стороны, инцестуозная связанность, с другой — гнет, испытываемый им от отцовской скупости» (стр. 30, Нейфельд).

Если последовательно провести эту точку зрения, то неизбежно должно оказаться, что и другие члены кружка Петрашевского были приведены сюда «Эдиповым-комплексом». Это, конечно, легче, чем искать фрейдологических объяснений. Но где у Нейфельда имеются прямые указания на то, что задачей этого кружка и, в частности, Достоевского было царевбийство? Воспоминания, наприм., А. П. Милокова совершенно определенно говорят, что уже в это время у Достоевского складывается мировоззрение славянофильского типа. Но, кроме того, разве история буржуазной интеллигенции дает мало примеров того, что ведется борьба с извращениями монархического принципа, при чем самый принцип не колеблется. Дальше: если сделать последовательные выводы из положений Фрейда и Нейфельда, то окажется, что все республиканцы вели свою борьбу с монархией под влиянием «Эдипова-комплекса», разрешавшегося крайней формой ненависти к отцу (стремление к убийству отца — свержение царя). Не имеем под рукой материалов об отношении революционеров к своим родителям, но думаем а priori, что, вероятно, можно найти немало случаев идиллических отношений. Но если даже, закрыв глаза, и согласиться с фрейдистским истолкованием источников революционных чувств, то дальше становится коварная проблема — почему же в один эпохи «Эдипов-комплекс» разрешался революционно, а в другие нет: в другие эпохи

большинство чело себя, как примерные верноподданные, как примерные дети царя-отца? Антиисторическому фрейдизму не следует браться за исторические проблемы, а таковой, в сущности, является проблема петрашевского кружка.

Естественно, что все последующее поведение Достоевского после дела Петрашевского Нейфельд объясняет, как следствие раскаяния и искупление за преступное намерение. Легкое перенесение всех ужасов тюрьмы и казни объясняется чувством облегчения ввиду получения возмездия за вину. «Хотя у него (Достоевского) и осталась, — замечает Нейфельд, — на всю жизнь шок от смертного приговора, так театрально инсценированного, тем не менее, кроме отдельных замечаний в «Идиоте», об этом мало говорится» (Стр. 39).

Может быть, это и так, но ведь как раз то малое, что о смертной казни говорится — такой силы и значительности, что все принципиальные противники смертной казни приводили в виде решающего аргумента эти известные места из «Идиота».

Знаменитая борьба в Достоевском двух начал — религиозности и атеизма, на все лады склонявшаяся Мережковским, конечно, тоже выводится из амбивалентных чувств к отцу, который в системе религиозных взглядов заменен отцом небесным. Если бы религиозная идеология целиком могла быть сведена к сексуальным влечениям, то возможно, что «Эдипов-комплекс» представлялся бы вероятной формой сведения. Но сейчас фрейдистам необходимо посчитаться с историками культуры, в частности с марксистскими социологами, связывающими религиозную идеологию к иным началам.

Славянофильство Достоевского, по мнению Нейфельда, тоже результат «Эдипова-комплекса». Любовь к матери-родине замещает incestуозное чувство к матери. «Страсть, которая к реальной матери была бы наказуема, может без всяких нареканий и укоров совести стать пламенной любовью к родине».

Интересно спросить по этому поводу, как же обстояло дело с западниками? Очевидно, у них «Эдипов-комплекс» разрешался иначе. Формула «Эдипова-комплекса» настолько гибка, что легко можно придумать что-нибудь подходящее и для них: идентификация с отцом, идентификация с матерью и т. д. Нелюбовь Достоевского к западникам объясняется так же просто: «В их лице он бессознательно ненавидит тех счастливых, которые преодолели себя, отказались от incestуозного желания, отделились от матери» (стр. 49). Труднее только объяснить, почему определенная группа людей прикидала к славянофильству, другая же к западничеству, т. е. почему у одних «Эдипов-комплекс» разрешался так, а у других иначе? Не знаю, какой бы ответ дали представители психоанализа: между тем социология разрешает этот вопрос, исходя из анализа экономических предпосылок славянофильства и западничества.

Кроме этих основных натяжек, имеется ряд других, касающихся более второстепенных сторон: но и они показательны. Так оказывается, что Достоевский унаследовал у отца эрогенность ротовой области (69 стр.). Эро-

генность ротовой области отца и братьев писателя доказывалось тем, что они пили; у самого же писателя эротичность ротовой области выразилась в том, что он любил сладости, крепкий чай и черный кофе. Признаемся, мы до сих пор думали, что вино, чай и кофе употребляются для удовольствия желудка, а не рта. И по чему делать исключение для вина, чая и кофе: тогда и вкус к хорошему бифитексу, наприим., вероятно, тоже является показателем эротичности ротовой области.

Запоры, на которые часто жаловался Достоевский и которые отразились на его характере, также анальэротического происхождения. На характере Достоевского они отразились таким образом: «с явным удовольствием берет он аванс под свои произведения, но пишет их очень долго и никогда не кончает к условленному времени. Ему как будто тяжело расставаться с своими произведениями, которые уже готовы у него в голове, и этим часто приводит в отчаяние своих издателей» (стр. 66).

Следует оговориться, что анальэротическое происхождение запора психоанализ объясняет стремлением детей искусственно задерживать кал, чтобы потом получить большее эротическое наслаждение, связанное с выделением. Отсюда сублимация — удержание произведений.

Но запор Достоевского может быть объяснен и атонией кишек на почве малокровия, и связью с геморроем, который, кажется, не объясняется сексуально-психически. Условия жизни и питания в инженерном училище, а позже в тюрьме и на каторге, вполне могли вызвать тяжкие кишечные болезни в организме и посильнее, чем у Достоевского.

Мы не могли следить за всеми натяжками, имеющимися в книге Нейфельда: для этого пришлось бы составить комментарий ко всей книге. Но и то, что приведено здесь — показательно. Оно убеждает, что такое пользование психоаналитическим методом — опасно. Оно грозит сделать литературные исследования монотонными, легковесно необоснованными: ибо, если вперед быть уверенным, что всякое литературное произведение лишь сублимация «Эдипова-комплекса», то при беспредельной гибкости этого построения, которое легко повернуть и вывернуть, как угодно, можно без всяких усилий в любом произведении в духе приема обнаружить наличие «Эдипова-комплекса». Вместе с тем литературное исследование должно будет прекратиться.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>И. Соколов-Микитов. Пыль. Рассказ .</i>	3
<i>Сергей Клычков. Серый барня. Рассказ .</i>	19
<i>Л. Сейфуллина. Встреча. Повесть .</i>	35
<i>Алексей Толстой. Гиперболоид инженера Гарина. Роман</i>	99
СТИХИ: <i>С. Есенина, Н. Тихонова, Веры Инбер, В. Наседкина, П. Дружинина, Н. Зарудина; М. Голодного, Е. Эркина .</i>	128
<hr/>	
<i>Л. И. Аксельрод (Ортодокс). Спиноза и материализм .</i>	144
<i>Ю. Стеклов. За кудсами французского журнализма</i>	169
<i>М. Кантор. На верном пути .</i>	203

Литературные края

<i>✓И. Григорьев. Психопатиз как метод исследования художественной литературы</i>	224
<i>А. Воронский. Фрейдизм и искусство .</i>	241
<i>Жизнь Литературные заметки . . . . .</i>	263
<i>А. И. Иванова-Ксарев. Из жизни Гл. Ив. Успенского (по воспоминаниям)</i>	272

За рубежом

<i>С. Третьяков. В ставке Фын-Юй-Сяна (путевые заметки)</i>	289
---	-----

От земли и городов

<i>Дмитрий Станов. Узбекистан</i>	303
-----------------------------------	-----

Критика и библиография

Рецензии: <i>Л. Войтоловского, Федора Жица, С. К. и И. Брас</i>	315
---	-----